

Евгений Пospelов

АТЛАС ЧУВСТВ

графика Вячеслава Зайцева

Литературный редактор — Наталья Александровна Фатеева,
доктор филологических наук, профессор
Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН.

Книга “Атлас Чувств” объединила двух замечательных мастеров: Вячеслава Зайцева, известного художника-модельера, и Евгения Пospelова, авангардного писателя и дизайнера.

Знакомство двух авторов состоялась четверть века назад, и только теперь, спустя много лет, родилась идея этого яркого проекта, в котором их творческие линии пересеклись.

Книга знакомит читателя с экспрессивной графикой Вячеслава Зайцева — с присущей ему пластикой и манерой трактовки образа.

Лирика Евгения Пospelова, полная мягкой иронии и светлой грусти, органично соединяется в книге с контурным рисунком, рождая необыкновенный по выразительности художественный объект — книгу, которая подарит читателю тёплую волну смыслов и размышлений, утончённо приоткрывая тайну наших сокровенных переживаний.

Корректор издания Кулагина Елена Валентиновна

* В книге встречаются тексты без знаков препинания или с их ограниченным употреблением, так как поэт работал в разное время в разных концептах.

** Часть рисунков адаптирована под оформление книги, иногда убраны подписи или использован фрагмент. Рисунки не являются иллюстрациями к текстам и были созданы в другое время и по другим побуждениям.

Атлас Чувств — Евгений Пospelов и Вячеслав Зайцев: художественный текст и графика.
Пилотный проект книги.

ISBN- 978-5-91891-065-8

(С) Пospelов Евгений (Попов Евгений Павлович) — тексты, макет и дизайн книги.

(С) Цифровые копии графики для оформления предоставлены Зайцевым Вячеславом Михайловичем по межавторскому соглашению.

Это — «книга двоих, пробуждающих сердце...». И хоть строки Евгения Пospelова о мужчине и женщине, их вполне можно отнести к этому общему творению мужчин, которые служат женщине и женственности и, воспользуемся словами модельера-художника, видят в женщине книгу, которую хочется «раскрыть, прочесть». А поэт декларирует эту творческую доминанту признанием: *«иногда я беру вместо женщины книгу, как вместо одной драгоценности взяли бы другую»*.

Слава Зайцев — кутюрье, которому рукоплещет мир, рыцарь, возводящий женщину на подиум-пьедестал, одевающий её, чтобы она чувствовала себя красивой, желанной и... защищённой. Художник, чьи работы по накалу образов напоминают — на субъективный взгляд — Малевича, Бакста, Матисса, Пикассо.

Евгений Пospelов тоже славится искусством драпировки, создающей объёмный образ. Он творит по своим неповторимым “лекалам” подобно Хлебникову, для которого слово было и лён, и пальцы, и ткань. Из слов у Пospelова сотканы *все партитуры, все повести чувств*, к ним добавляются *крупинки мудрости, как узелки, связавшие нити бессвязного в прочный сюжет бытия*, и то и дело в его стихах раздаётся *хлёсткий звук раздираемой ткани над обнажаемым миром страстей*, вслед за которым *тёплый бриз с побережья качнёт невесомый занавес грусти...*

Зайцев любит превращать серое и невыразительное в яркое, играющее всеми цветами радуги. Пospelов тоже жаждет, чтобы *в самотканом холсте жизни* искорками будоражили воображение *яркие нитки*.

Модельер, как скульптор, берёт ткань и отсекает от неё всё лишнее, чтобы ткань прильнула к модели. Поэт облачает «обнажённую натуру» в *шёлк-и-бархат, ситец, в броские ткани сует, в трепет вибрирующего фламенко, в лёгкие ткани бессонных ночных поцелуев*, а ветер рядится в белые полотна простыней, во флаги, обтягивающие, *как юбки портовых красоток*, аксессуарами становятся *ожерелье из вечерней литургии уличных фонарей, карта исхоженных грёз, золотое кольцо заката, бриллианты рос в рассветных травах, блёстки обманчивых слов...*

У соавторов рифмуются мысли. Вот, например, Слава Зайцев признаётся: «В женщине, одетой в маленькое, облегающее фигуру чёрное платье, больше сексуальности, чем у обнажённого тела. Потому что ты

чувствуешь под одеждой форму. Она тебя волнует. Ты не видишь, но ощущаешь присутствие груди, бёдер, движение ягодиц в шаге». А вот цитата из Пospelова: «Зачем надевают телесность. В какой костюмерной скроен этот непрочный скафандр?»

Оба художника порой бывают одиноки. Два прекрасных зайцевских портрета мужской одинокой грусти перекликаются с поспеловскими строками «о занятых-вечно-друзьях, пустотах...», когда «хотелось бы праздника». или прямое обращение: «где вы, друзья... смялись скороговоркой в пару стоптанных фраз — вместо Эпоса о невероятном...»

В этой книге вы найдёте множество изящных запоминающихся максим с иллюстрациями, вроде следующих: *Человек несёт в своем сердце как в торбе для счастья память о лучшем; Мир — очаг собирателей света, к нему подступаем из тьмы с травами жизни, садимся к огню, тихо переговариваемся...*

Книга научит различать в слове — шаги навстречу (вот только к кому — себе? друг другу? Богу?), подскажет: *всё, что у нас есть, это мы как простые слова.*

А чтобы вы не раз возвращались к книге, авторы предложат вам *напиться соком спелого ручья и запахами птиц, любви и мёда, к которому добавляют гвоздику взгляда, корицу касаний, ваниль поцелуя и душистый перец полуслов.*

*Ольга Игоревна Северская, учёный-филолог,
(ИРЯ РАН им. В. В. Виноградова).*

От автора

Эта книга — поэтическое исследование чувств во времени, где само время является основой в ткани чувства: время, живущее в нас.

Вспомните, как в школе изучали атлас внешнего мира. И тогда же мы начали нащупывать очертания мира чувств, заполняя свой уникальный внутренний атлас. Книга предлагает пройти умом и сердцем по этому атласу, ещё раз всмотреться в очертания своих чувств, понять что в них изменилось, извиниться и простить, найти источник радости и благодарности...

Здесь звучат распахнутые септаккорды смыслов, которые никогда не завершают своё движение в самотканой материи человеческой жизни.

И хочется добавить, что все мы — пробуждённые эскизы Времени, рисующего нас и теряющего свои рисунки...

Жизнь схожа с неразборчивой рукописью,
которую искренне не узнаёшь,
но почерк в ней твой.

АТЛАС ЧУВСТВ

“Размышление”

Без атласа
 чувств,
 не зная ландшафта и нравов,
 легко потеряться в женщине,
 на которую ты ступил,

в аметистовой свежести её морей
 ты встретишь время

и, как чудесная рыба-мгновение,
 будешь выбрасываться
 на её берега,
 оплетаемый болью
 рубцов-морщин
 от её рыбацких сетей,

и однажды ты останешься
 только в её сердце —
 но даже с атласом её чувств
 я не знаю где это.

Каждое утро
 она поднимает рычащего,
 мечтающего о другой...
 И он уверенно чеканит мне фразы,
 как будто он сам по себе.
 А я собираю с него глазами
 нитки хлопот
 той,
 что каждый день спасает его
 над пропастью
 ненужности...

Зачем надевают телесность?
 В какой костюмерной скроен
 этот непрочный скафандр?...

Вопрос ли — что прах в нас,
 и где очищенье от грима гримас
 и талька толковости...

Душа смотрится в зеркало
 и видит всегда не себя.
 Она поднимает руку,
 находит лицо...
 и понимает —
 это ловушка.

“Сны побережий”

Проснёшься — словно море в окне,
 как будто начнёшь этот день без потерь —
 в глазах нет усталого мира,
 лишь утро прозрачной воды
 и берег
 у сердца...

Там ветер поднялся с волны
 и тронул притихшую лодку...

И ты к ней подался —
 но в пыльном окне
 причален лишь город из гулких камней —
 как риф из поблёкших кораллов,
 как бухта
 застрявших-на-век кораблей,
 как в скалах прибой без умолку...

Но ты улыбнулся —
 и ветер возник,
 слетел с твоих губ
 и качнул материк,
 как лёгкую лодку...

Лёгкая поступь туфелек —
 входишь,
 и тут же бросаешь их на пол —
 спешишь под плед,
 обуваясь в тяжёлые башмаки
 моей влюблённости —
 и шумно бежишь в них,
 как падчерица,
 от наступающего холода...

Отсырела от серости
 и заблудилась душа.
 Сумрак по руслу проулков
 затопил все подступы к утру —
 так и бродим
 всю жизнь напролёт
 в поисках света,
 таская за собой свою мечту,
 как дети старую куклу...

“Осознание Времени”

Гремят часы на башне. Мама будит
меня-ребёнка
и провожает сонного умыться.
Пока вожусь в воде — грубеют щёки,
и голос падает неудержимо вниз...

К еде, в прихожую,
вхожу слегка пригнувшись.
Как быстро постарела мама,
пока я умывался!
Сидит в углу — вся призрачно седа...

Сажусь за стол и вздрагиваю —
женщина напротив
накладывает мне парной картофель,
и мама из угла благословляет.
Подходят дети: папа, здравствуй,
сегодня ты нам обещал скворечник!

Смотрю на них — как будто в первый раз,
хочу подняться, но иссохли ноги.
Прошу воды...
В ковше
к моим губам
летит старик с недоумённым взглядом!..
Не воду пью — вбираю содроганье
из уст его...

Смотрю кругом себя,
и странно мне, что не могу припомнить:
я здесь впервые, или же давно
такое диво вижу... В самый полдень
на башне бьют часы...

...И день пройдёт —
 время его зачеркнёт,
 как промелькнувшую птицу,
 я не успею
 забыться запахом пчёл на цветах,
 я не успею угнаться
 за мимолётностью утра.
 Я не успею сказать тебе главное
 и разлюбить —
 и жизнь пройдёт...

Дыхание твоё сроднится с бризом,
 рождённым у пустынных берегов,
 зависнет облако над морем белым фризом,
 венчая колоннаду из валов.

Вплетая луч в панно густого лета,
 твоей улыбкой просияет день —
 и всё откликнется во мне вспорхнувшим светом,
 как от листвы внизу трепещет тень...

Отступят склоны с профилем гречанок,
 сверкая глубиью, подойдут моря,
 где пеной с волн взлетает птичья стая,

и ты, одетая в дыхание фиалок,
 проснёшься рядом — тёплая... моя! —
 из мрамора мечты в любовь оттаяв...

“Порыв”

Женщина —
 шёлк-и-бархат —
 одним присутствием обращает тебя в сосуд,
 уже наполненный для неё
 горячим напитком;

она лишь добавит
 гвоздику взгляда, корицу касаний, ваниль поцелуя
 и душистый перец полуслов,
 и будет пить
 до утра
 твоё дыханье
 и пересаживать сны
 из полуночных хрустальных бокалов
 в утренние кофейные чашки...

Шёлк-и-бархат
 потусторонней жизни —
 за границами твоего тела,
 ошеломлённого,
 бестолково стоящего у окна
 и не знающего
 как жить
 без неё...

Ветер наткнулся
на простыни в нашем саду...

Я наблюдал как незримый, уткнувшись в белые ткани,
он вылепил ими себя...

Лотос ветра! —

К нему я выбежал радостно — освободить

свою душу из плена...

это как сон не сходящий с лица
это как жажда не отступает надолго
это как ночь застаёт в пути
это как рыба выскальзывает из воды за добычей
это как последнее королевство среди нищеты
это как ветер что всюду срывает старьё
и несёт острова через море —

это там где меняют нам имена
это там где немногим дано оставаться
это больше чем умереть или быть
это то что нельзя удержать
как сердце у птицы
как осень бегущую садом
как сон

Когда есть ты —
 есть повод уцелеть
 на скользком шоссе одиночества
 у кромки грусти
 балансируя на тросах дней
 на которых ещё удерживается
 материк сердца —
 он дрейфует
 ударяясь о другие

Но есть повод уцелеть
 для твоих губ
 обрисованных улыбкой приветствия
 цветущих во всех галереях моих грёз

уцелеть для твоего пробужденья —
 ведь ты не сможешь открыть глаза в пустоту!!

Есть повод нам всем уцелеть —
 даже если мы остаёмся
 только снами друг друга

но у нас ещё остаётся жизнь
 для этих снов

Андрею Голанову

Если с тобой любовь,
 о чём жалеть...

Утром укрась лоб и ладони
 светом —
 найди его.

Всему суждено умереть,
 но переход к чистому звуку
 строится ныне.

Пусть неритмичны слова,
 извлечённые в миг пробужденья.
 Пусть неуместны руки
 перед не-хлебom-насущным.

Нет выбора нам
 любить,
 жизнь сама по себе —
 ожидание встречи.

“Жемчужина”

День гаснет... —
 В створах тонущей арки заката
 только пряный отсвет его.

Так неслышно состарится время —
 как склоны
 твоих полушарий —
 словно в твоём декольте
 осталась лишь карта
 исхоженных грёз...

Горсть сладкозвучных имён —
 это всё, что останется здесь
 на приморских причалах
 от клятв-поцелуев под скрип якорей,
 когда кончится день,
 обливая стены
 протяжным оранжем...

Тёплый бриз с побережья
 качнёт невесомый занавес грусти —
 и я тебя уведу
 на пышный песок перешейка
 между лиманом и морем

искать
 в прибое распахнутых бёдер
 жемчужину утра...

Бедняжка, как сердце её стучит!
Она подводит глаза, но лучше едва ли...

Но сколько можно неспешно днями плестись
мимо витрин, поправляя причёску,
тревожно смотреть в отраженья,
когда хочется, чтобы сердце твоё стучало
сильней каблуков,
и тело дрожало, как тетива,
пустившая в цель стрелу...

Какая старая песенка о счастье
на новых каблуках!
И как неудержимо куда-то сердце её стучит...

Я хотел бы сидеть в том маленьком баре
и с волнением
ждать её.

Если любовь на убыль
до горстки грусти,

если любовь стала хрупкой,
как высохший ландыш между страниц —
зачем щадить связь-призрак,
чувство-огарок, тленье...

Окурок вминают в пепельницу
или, сбросив с губы на землю,
растирают ботинком.

Огарок должен быть сброшен,
как испорченный файл
стёрт с диска —
файл-Карфаген,
файл-Троя —

нам не остаётся ничего иного,
когда почти ничего не осталось.

Когда слоны уходят
к своим усыпальницам,
они исчезают, будто сходит тёплое море плоти
с рёбер затонувших шхун...

И чувства уходят, будто сердце стало песком.

И когда, как отлив,
всё уходит от нас из этого мира
к своим берегам —
мы, как рифы, усеяны щепками,
рваными брасами, шкотами
лучших своих
каравелл и фрегатов —

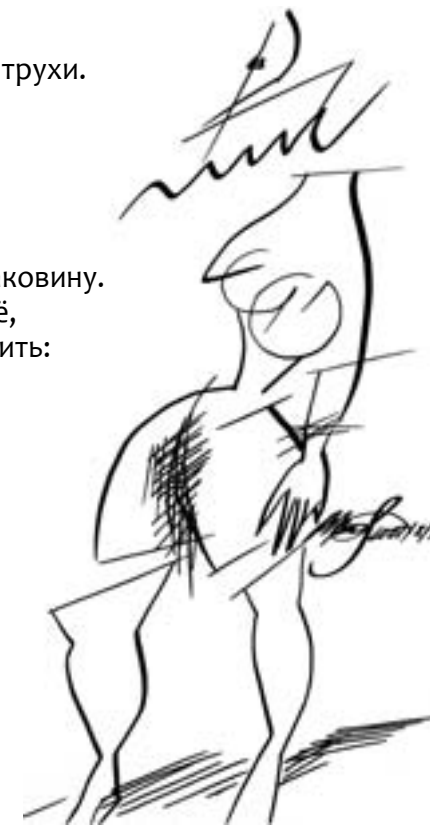
и остаются только высеченные в нас на камнях
имена любви
под истлевшей парусиной ветров...

Довольно напряжения! —
в постель...
заворачиваешься в одеяло,
сотканное из повседневной трухи.

Легче снова уснуть,
легче смять
ворох крылышек за спиной.

Постель заизвесткуется в раковину.
Однажды вытянешься из неё,
мучительно пытаешься вспомнить:
зачем?
чувствуя — забыл
самое главное,
и должен идти,
но куда? —
пустое.
И время позднее:
к ужину...

“Бремя Чувств”

Чувства — не бремя,
как рваная отмель заката — не рана:
призыв к обнажённости.

Чувства — не морок,
не сны-одеяльца,
которые можно сдёрнуть с себя.

Не их удел
бестелесно падать одеждами,
смятыми в острые складки
своей пустоты...

Ты могла б оставаться
в застенках бесчувствия,
сжавшись в саване сна,
в саркофаге покоя,
и тогда не пришлось бы кутать себя
в мою нежность,
утомлённо сиять наготой
на оранжевой отмели дня
с безмятежной улыбкой —

не прося обещаний,
не боясь, что разлюбят тебя...

Когда кричишь — ты старуха,
у которой пропали в чулке
 ассигнации Времени —
(что купишь на них? —
только взгляд сострадания).

Но в грусти — ты девочка,
у которой простужена кукла,
а принц только хмыкнул на это —
всё такой же
 малодушный беглец!
спрятавшийся где-то
 на всю жизнь
 от тебя...

Портовые флаги,
 обтянувшие ветер,
как юбки
 портовых красоток...

Их воздушное трепет-биенье,
влажное, полное волн,
 ударяющих в пристань,
 в борта кораблей,
в грудь моряков —

хлёсткий звук раздираемой ткани
над обнажаемым
 миром страстей...

Ольге Северской

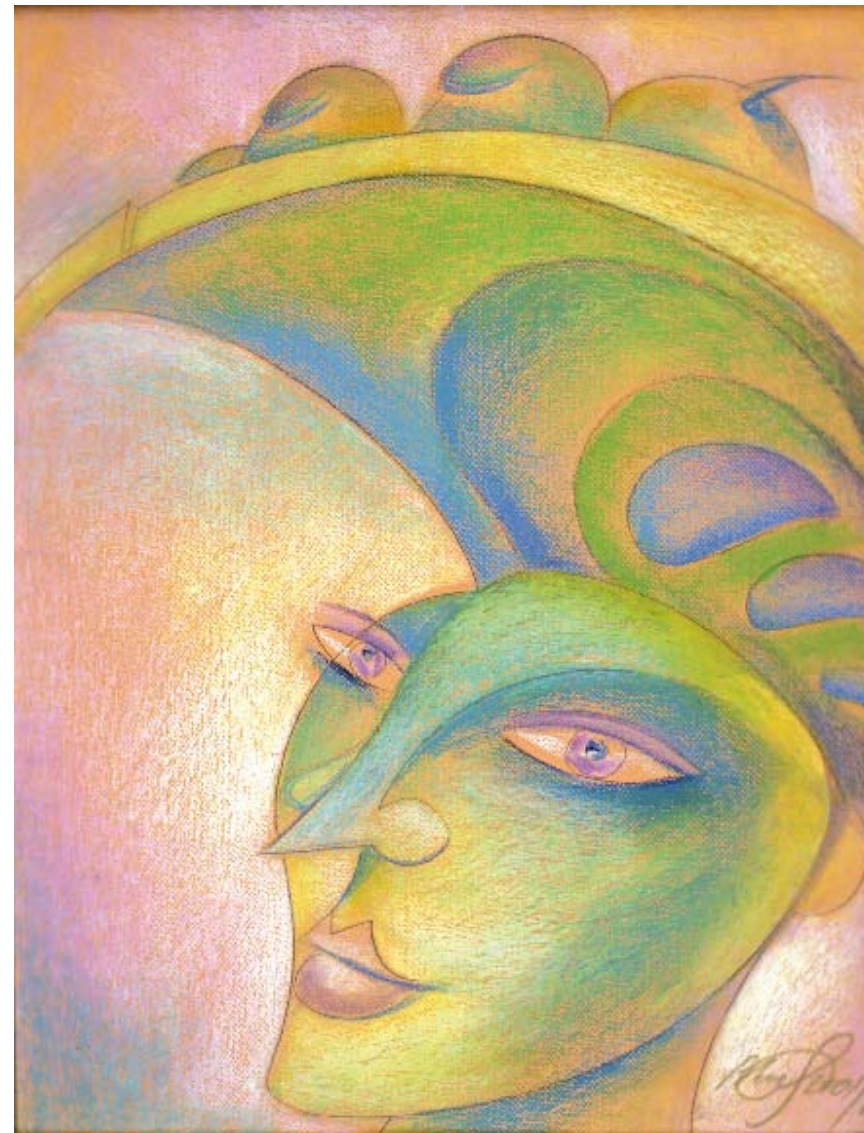
Весёлый путник —
 опалённый ветер! —
 в июльский зной спешит к озёрным чашам
 напиться соком спелого ручья
 и запахами птиц, любви и мёда.

О лета лёт! Листвы лучистый полог.
 Земля дозревшая... — Там старец-муравей,
 рождённый этим утром, в долгий полдень
 спешит к закату...

Вслед за ним ползёт
 улитка липкая полуденного солнца
 по золоту колосьев летних дней. —

Кошу их мерно и вяжу в снопы,
 как будто мастерю светильники.

Придёт другое время.
 Распухнут под дождём суставы сада.
 Застынет камнем пруд
 в оправе серебристых льдов.
 Но сбрасывая снег
 с озябших плеч
 движеньем золотых воспоминаний,
 всю зиму буду печь
 хлеба июля.

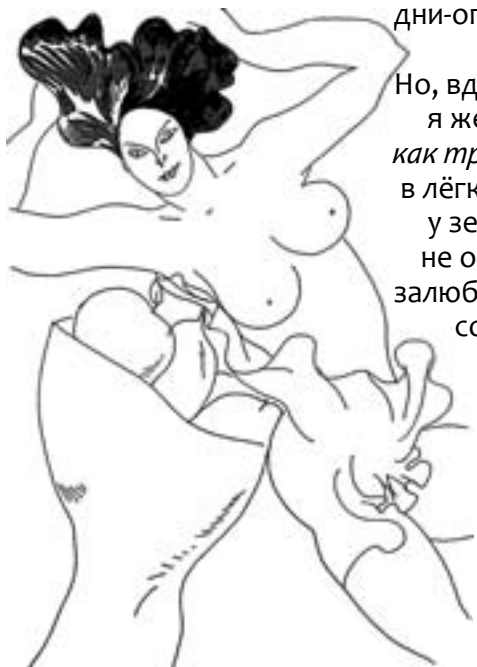
“Сияние”

Простые приметы весны:

сонно-пьяные пчёлы
в согретых долинах,
журавли
в кружевных виражах над гнездовьем
и твои чуть смущённые
дни-опозданий.

Но, вдыхая весну,
я же знаю,
как трудно тебе
в лёгком платье
у зеркала
не опоздать,
залюбовавшись
собой...

Настырный ветерок
чуть треплет локон —
она не чувствует...

её глаза полны волной,
их никому не отвести от моря,
они высматривают мачту —
как мечту
высматривает девочка в подушках
летающих облаков:

мечту веков —
быть нежно покорённой,
в прекрасном натиске наполниться борьбой...

Быть ярче звёзд Ему...

...

Закончился коктейль,
и в трубочку втянулся бриз солёный,

всё тот же неувядающий ветерок
крылом неосторожно зацепился
за тонкий локон
и выпутаться хочет,
в нём дрожа —

она не замечает.
Только море
в её глазах...

“Смещение”

Как быстро выцвел здесь,
у моря,
мой мавританский плащ.
Но как мне нравится отцветшая накидка,
пропахшая лучами.

Мой плащ отцвёл...
пока скитался в нём по побережьям. —

Там днём меня под ним щадило солнце,
а ночью он таил стыдливых дев,
скрывая нашу страсть и наготу
от ветра...

Когда-нибудь,
перебирая ветхое старьё,
наткнушь на плащ,
забывший свой узор
на давних побережьях...

И вновь латая зиму
в северном краю,
я часто буду в нём сидеть и слушать
воспоминанья сердца —

и запах знойных дней-скитаний
согреет кровь.

В старых кварталах,
где эхо живёт дольше нас,
я слышу знакомые вздохи —

они обступают меня — красотки,
первенцы грёз!
и шепчут:

Ты изменился с тех пор,
как мы разбежались прятаться —
да... столько лет! —
в этих старых кварталах
вся молодость наша...

и, как видишь, мы ищем тебя,
но не знаем, *где* спрятался ты
в этом выцветшем времени...

Я с улыбкой за ними иду,
обнимая в ответ
вечереющий воздух...

С песка поднимая ракушку,
сердце моё приложила
и услышала в шуме себя:

учащённое тремоло пенистых гребней,
болевое биение волн
о скалистые рёбра —

и приснула смехом.

Тщеславье любимых — как ветер,
срывающий кожу
с сердец-островов.

И покорно,
без тины упрёка,
я безбрежно на миг
загрустил,
теряя в прибое мечты
свою Афродиту.

Твой день душист
и выпечен искусно.
Дари не медля,
не скупясь, до крох!

Черствеет время.
Высыхает мускус.
И в горле стынет
Каменный пирог.

С утёсов бросаясь в волны,
она обнажена

и мыслит себя мечтой
для всех ловцов
в морях их Чувственного...

Она легка
и не боится рук.
Она горит всей кожей.

И мальчик
застывает терракотой
среди её одежд,
когда она выходит из воды,
идёт к нему
и тихо одевается.

Былое:
 Бельё на ветру белоснежное, в небе — Рука...
 Боже, кто это? (вспомни... помедли...)

В небе ангелы тают,
 и женщины тихо
 щепотью
 снимают с лица их холодные капли. Вверху
 кто-то машет рукой,
 обметая с сердца налипшее время. —

Воздух скрипит..
 в снежном пологе неба
 птицы графичны,
 как прорези
 в маске минувшего праздника.
 Время стихает...
 И кто эти люди,
 что всюду меня узнают?!

Из-за облака манит Рука... —
 Я бегу вслед за ней, спотыкаясь,,,
 не в силах догнать этот Знак —

которым зовёт меня
 с улицы
 Мама...

“Мольба”

Мудрец нам даёт только то,
что нам дано изначально,

провидец —
он слышит всегда нас оттуда,
откуда ему нас не слышно,

он нам открывает глаза
на то, что давно перед нами. —

И в этом величье
Оставляющих след
на воде.*

*воды времени

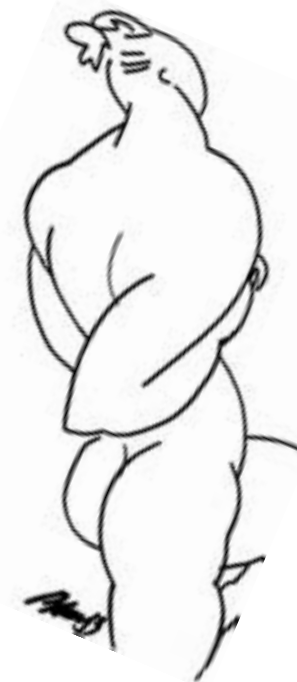
Еду к тебе,
вспоминая вкус давнего утра,

сбросив муравьёв времени,
разваливших акрополь любви,

я везу плотный глагол !прости!,
чтобы разбить тень между нами

и высветлить утро нашей улыбкой. —

Я еду
мимо знакомых окон и знаю,
что мне не остановиться.

“Холсты судеб”

Жизнь идёт —

вскипает чайник, пригорают сковородки,
недочёт сервизных чашек после шумного веселья,
в хлам вминаются матрасы, провисает паутина,
выцветают сны и клятвы, гнутся яблоками ветки,
поднимаются восходы, биржи, пыль и самолёты...
Все куда-то мчатся дальше,
чтобы быть к чему-то ближе...

Жизнь идёт —

вскипают травы после долгого зимовья,
дуют щели и пассаты, за стеной кричат соседи,
трутся днища, зреют девы, протекает фортепьяно
ассонансную капелью, рассыпаются гнездовья,
и от выбранных тропинок, отрешений и причастий
что-то ближе, что-то дальше.

Жизнь идёт...

Ветвятся вены на руках неторопливо,
застревает сердце между аритмией и прощеньем,
спотыкается улыбка в полутень, ветшает небо,
гаснут царства, рдеют битвы,
и без умысла какого
раскрывается холстина этой жизни, где мы часто
нарисованы неровно, то с любовью, то с изъязном,
то есть в чём-то очень близко,
в чём-то дальше от природы...

Так живём —

не так уж долго, но и «коротко» не скажешь,
Но, по правде, «долго» — дальше,
а «недолго» все же ближе...

Г. Маркесу

Стук капель в окно — так промокшее утро
 приходит себя скоротать
 в эту кофейню,
 где всегда застреваешь
 в рукавах разговора
 или молчишь за отсутствующих...

где в кофейном зерне
 уже с утра столько вечерней прозы,
 что, слушая дымчатый ветер
 смеющейся женщины,
 забываешь о себе
 навсегда...

СЛОВО,
 о чём оно? —

в нём разгораются смыслы
 вторя неровному свету
 древних лампад...

В слове мы оставляем свой выдох,
 И речь наша — пение разума,
 постигающего душу на ощупь.

В нём чередуются стопы:

в слове — шаги,
 в нём, словно в келье,
 кто-то заперся
 и путешествует к богу.

Мне бы встретить однажды
неброскую девушку
в ситцевом платье,
что прошлась по прибрежным пескам и забылась,

мне бы вспомнить-найти
и вернуть то мгновенье
в разливах заката,
где сгорает и тонет
мой взгляд,
увязавшийся вслед за её силуэтом...

Мне бы видеть её отмыкающей-дом-мой,
живущую подле подушки,
истёртой щетиной —
чтобы мог её обрести
сразу
сердцем...

Как же смотрит она! мне в глаза,
пока я её сочиняю —
пусть не всю целиком, пусть наброском,
неточным эскизом, абрисом тонким... —

только б вспомнить её,
обернуть силуэтом, представить
отмыкающей-сон-мой
беспечно
свежестью моря...

“Платье Лета”

Не знаю, есть ли священная прачка,
способная смыть эту ночь
и выбрать чутко осколки —

что-то разбилось во мне
и рассыпалось колким бесчувствием,
и впервые я не могу обернуться
на странно-чужое лицо,
уснувшее ликом-возлюбленной...

Утро в Её груди —
как светлое бремя,
с которым Она проснулась подле Него,
разбередившего облачко чувства —
Ей показалась, что сможет Его обуздать,
вытряхнуть дух порочных набегов...

Светлое облачко утра...
в котором Она пробудилась
одним из неловких утр
в Его груди...

“Плоды искушения”

Спешу сообщить:
вдоль линии фронта
любимые любящих смяли...
Участник битв, я с ними делю их скудную пищу —
ломоть
неостывшего слова. —

Гвардейцы не спят в этих стычках сотни ночей.
А утром падших вновь поднимают,
и те ворчат недовольно:
как трудно здесь умереть...

Участник, я знаю кем для меня
взорвано мирное время —
ты швырнула в него моим сердцем.

И теперь я не знаю, где полк мой, где вечер,
чтобы отправить депешу:
“убит, прошу не тревожить”...

Полковник,
как трудно здесь умереть! —
в тонких запахах битв,
и как просто заживо гибнуть
каждый раз
вдоль всей линии фронта.

Зябко кутаясь в сон,
ты думаешь: завтра
 выйдя из дома,
захлопнув его пустоту за спиной,
 направишься к улице,
где солнце упруго её заполняет,
 сдирая запревшие стены —
к солнцу лицом! —

там, в лёгком сияющем воздухе,
не отягчённом реальностью,
ещё не остывшем от полуснов,
ты в контрсвете
 выхватишь женский
прямой силуэт
встречный и излучающий утро —
 как контур мечты,
прорезанный в толще
 унылой гряды Ожиданья... —

и ты окажешься там,
 где прекрасные лица идут,
 обрамлённые светом, навстречу —
идут сквозь тебя,
ослеплённого жаждой любить,
 словно тихо-поющего полу-улыбкой...

И ты мечтаешь, что завтра,
 выйдя из дома,
захлопнув свою пустоту за спиной,

направиться к улице,
засвеченной солнцем
 до лёгкой беспечности —
и там в контрсвете
 возникнет прямой силуэт,
 обёрнутый утром,
как будто было давно решено
между вами:
 впервые встретиться
 здесь,
 шагая навстречу...

Ты веришь,
 что с лёгким сердцем блуждая
 в лучах этой жизни,
выйдешь из дома,
 оставив в нём всю пустоту:
эти тусклые сны,
безучастные мысли,
 громоздкую тень безуютья —
и в контрсвете,
 ещё не видя лица,
среди жесточайшей лёгкости
и обжигающей свежести
 не опоздаешь
 впервые
к назначенной встрече...

В фонтане наскучило девушкам
 лить из кувшинов:
 они так давно молоды,
 что позабыли
 в несокрушимой своей непорочности
 о блеске своей наготы... —

в патине бронзы
 их лица смотрят куда-то сквозь нас —
 сквозь облака неустанного круговорота
 вод и времён —
 словно ждут появленья того,
 кто разрушит скульптурные чары.

Но веками приходим лишь мы...
 Снисходительно прячась в одежды,
 глазеем
 на танец невольниц,

не понимая, что мы в их глазах
 сквозь бегущую воду —
 лишь тени и облака,
 плывущие в струях
 прозрачного времени
 в гулких кувшинах...

“Танец Времени”

Сквозь череду несвязных снов
идёт душа, пытаюсь вспомнить
к спасенью резкий поворот,
где улица на холм приводит

и упирается в Восход,
над скромным храмом возведённый,
там толщиной в луч проход
сияет лишь для посвящённых.

Но мне ценнее только Свет
на этой улице просторной,
где ветерок сдувает след
походки нежно-непокорной,

где, видя старое лицо,
я горечь сглатываю горлом...
Но вряд ли всё предрешено,
и можно нить судьбы без торга

лучом небес перековать
в рисунок более красивый,
где в летней комнате кровать
истомлена неторопливо. —

И так по улице с холма
сойти сквозь запахи брожения,
посуды, отголосков сна
и чувствовать стопами тренье

и все весомости себя,
всю яркость жизни и невзрачность,
взметая шагом сор житья,
собой пронзая мир прозрачный...

На этих улицах людских
под пенье матери младенцу
неясный смысл лучей тугих
растёт и пробивает сердце...

Да, перед узкой дверью вВерх
дороже мне, как дар, упавший
на жизнь мою всевышний смех
лучом любви животворящей.

“Летунья снов”

Я встретил
летунью снов
в тонких запястьях,
в мечтах о ещё более тонком
и полюбил
 аромат
дымчатых глаз,
походку трагиактрисы,
и сказал себе:

ты нашёл жницу своих дней,
прекрасную обёртку
 для сердца.

Наконец! я познаю капризы
с их нежно-бессмысленной жизнью,
уколы их коготков,
беспечные крылья стрекоз —

заба-а-авно! лежать
на продавленной раскладушке воображенья
и не спать...

Когда ребёнок был ещё ребёнком,
запертый в своих играх,
он бежал через городской парк к озеру
и ветерок поднимался в его волосах —
ребёнок смеялся от удовольствия
так быстро бежать по земле...

Когда старик был ещё стариком,
запертый в теле,
он всё реже смотрелся в зеркало,
в котором почти ничего не осталось —
только грань Пробужденья...

Но никто так и не выпался за свою жизнь —
этот сон для каждого краток.

Когда жизнью была только жизнь,
мы не придавали ей значенья.
День не стоил почти ничего —
он терялся легко, настолько был мал.
И когда день был только днём,
мы хотели наполнить его любовью,
и она приходила.
И тогда любовь была сама собой...

Женщина становилась женщиной,
а мужчина мужчиной.
Над ними сияли звёзды и пела луна,
ночь распахнулась новым значеньем:
стали понятны цветы, их ароматы,
еда перестала быть только едой.

Когда мужчина был ещё мужчиной,
он думал только о женщине,
и когда женщина была женщиной —
она была прекрасна,
её волосы были балдахином
над нежностью глаз и губ,
кожа была лучшей одеждой
и грудь ждала поцелуя...

Как хорошо, что ещё есть слова!
как лучи июльского утра в столбике пыли у окна —

когда ребёнок был ещё ребёнком,
он любил всё называть,
он мог открывать этот мир словами,
его поцелуи были чистой каплей влаги
на лепестках,
он жил без воспоминаний,
и самой большой утратой была пуговица...

ребёнок смеялся и плакал безмятежно
в тишине души,
вечность, из которой он выбежал в сад,
ещё не схлынула с него.
И когда он рисовал
и ему не нравился рисунок,
он комкал лист,
но это был всего лишь смятый набросок,
а не жизнь...

И пока ребёнок был ребёнком,
пока мужчина и женщина были друг другом,
и старик ещё держался за сердце,
мечтая быть запертым в играх, —

они,
то есть мы,
все жаждали жить любя,
так и не выпавшись
за эту жизнь...

Как жили мы давно! уже не помню
 что значил день,
 что означала ночь.
 Забыта музыка цветов и запах сердца,
 крыло раздавлено легчайшей пылью лет,
 и где искать минувшее —
 не вспомню...

Нам грустно — встретились:
 ни соловья, ни розы.
 Из рода роз ты выцвела в коровку
 молочную и гладкую, как воск.
 Звенит на шее голос-колокольчик:
 ты рада мне, свидетелю Той розы.
 А я с крыла отрясываю пыль,
 усталый конь, несущий на загривке
 былых времён сухое волокно.

И наших душ в томленья ждут давно
 две поля, как дудочки, травинки.

Волны рушатся
и, оползая в море,
слизывают песок тёплыми губами —
стирают следы-трезубцы —
оттиски посоха,
иероглифы светильника.

Мы выброшены на этот остров,
где море вслепую
разыскивает границы.

Бредём в прибое, укрывая лица от брызг,
и я замечаю,
что для горсти звёзд и горсти песчинок
у меня есть только одна мера —

узкая раковина твоей ладони.

Прочешь откровение глаз —
внезапно
столкнуться в них с зноем,
где каждый раз
приготовлено всё для любви:

птицы чистят гнездо,
для плодов раздвигаются своды,
цветочницы весело ткут аромат,
ветерок без стыда
продувая лёгкие платья,
полон замыслов...

Мы танцуем однажды любовь:

всё меняет свои очертанья,
сходит с мест —
будто двигаясь с дальнего края
к эпицентру палящего чувства,
мы танцуем
однажды-любовь...

“Брошь”

Луизе К

Как бабочка запоздалая бьётся в стекло ветров,
стремясь прорваться к теплу, теряя за взмахом взмах —
я в это слоями-налипшее Время давлю лицом,
чтобы прорвать на себе накрывающий страх

не обнаружить тебя
в грядущих встречах,
как скрытую в бездне пыльных слоёв Илионскую брошь, —
там, в грядущем, кто-то коснётся живого агата плеч,
и ты вздрогнешь — «как-вспомнишь»,
что для другого сцепления здесь живёшь.

И это спасёт и тебя, и меня,
срыв в записи Судеб одну из клякс.
Все книги — набухшие притчей о нас —
как прочерченный след,
чтобы вслепую, в бегстве, в не нами назначенный час
ты уткнулась в меня — в гремящий мыслью объект —

как бабочка-оттиск в штольне базальтовых снов,
как в толщах культурных слоёв обретенная брошь,
чтобы с бескрайней полки времён из тысяч томов
взять лишь тот, чья обложка — дверь,
за которой пройдёшь

в мой ковчег, и начнётся наш бисерный почерк встреч:
откровения Леды... Ио... Данаи... — по списку твоих имён
нимф, цариц и служанок... Только б не пренебречь
разрывающим Временем, вжавшись друг в друга в одном

безвремени счастья,
(тканном без поперечной нити лишь из основ),
чтобы тебя не выронить снова, как некто троянскую брошь,
и, тысячи раз проснувшись рядом из давящей толщи снов,
смотреть как ярко на этой земле, любя, ты живешь...

Мы умеем всему
находить примененье:
и даже неброский тростник
для нас — сплетённая крыша, корзина,
ограда...

Но он здесь, чтобы к нему
прикоснулся ветер.

Просто коснулся ветер...

И если кто-то решил, что постиг
зачем он на этой земле,

то он — тот же тростник
для прикосновения ветра —

внезапного ветра
случайной любви...

На что я похож:
на размашистый дождь?
на шелест страницы, на рыхлый
сбор
муравейника чувств?

или на слово —
простое, как маргаритка,
о жажде слиться с другим,

стать сокровенной мелодией,
летающей в вечерние окна,
трепетом юной листвы
на всём протяжении мира...

Блуждаю всю жизнь
в прозрачных сходствах
порхающих солнц,

и срываюсь в улыбку
навстречу утренней нежности губ,
проходящей в меня
сквозь таянье
снов.

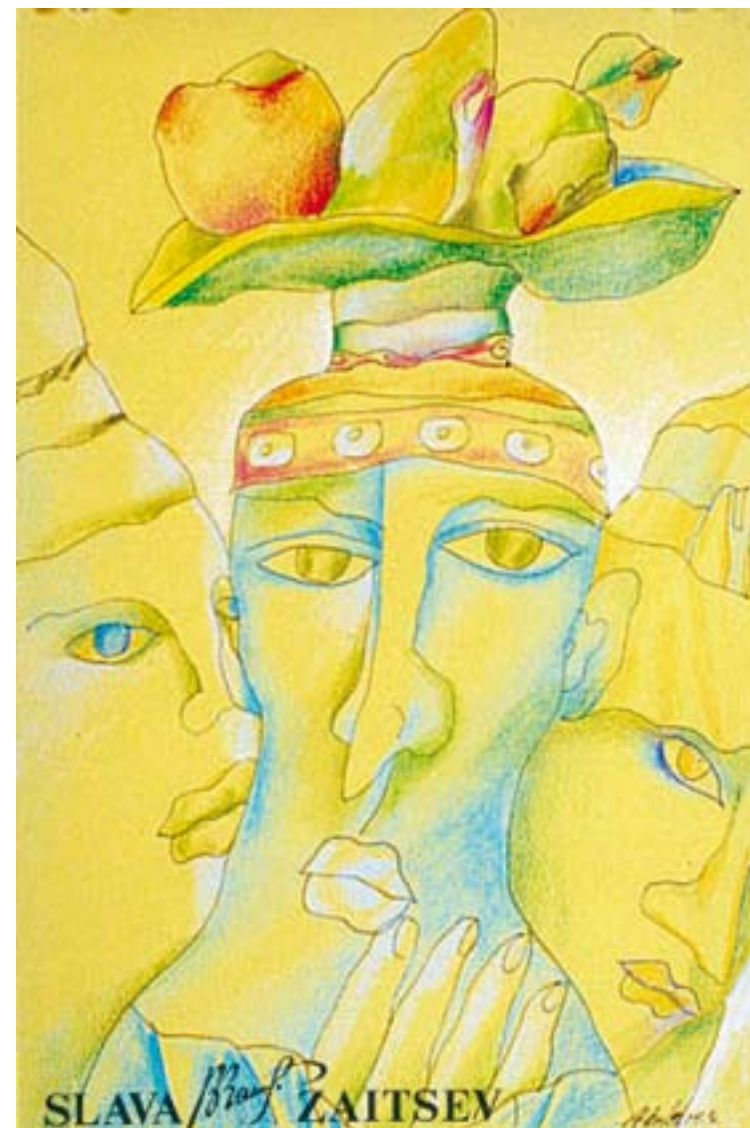

Люблю часы бесед
 в кругу друзей неспешных,
 когда они приходят налегке —
 без слов, без умысла,
 как Свет упавший в окна. —

Я рад ему, как ветреной заре,
 прокравшейся за мною на подушку,
 как голосу, зажжённому во тьме —
 во мне...

Люблю проснуться (долгожданно!) летом
 от тёплого касания лучей
 с улыбкой
 протянувшейся до моря...
 И оказаться тем же, кем я был —
 случайной мыслью,
 пригоршней пиона.
 И неизбежно — жаждой утолить
 навстречу мне
 разомкнутые губы... —

и так прожить от них невдалеке
 с просторным сердцем, с нравом на ошибку,
 одним из тех, кто всюду налегке —
 как свет,
 без умысла упавший здесь
 в улыбку...

“Утренний цвет”

После жизни
 столь великой в простых мелочах,
 как глобус крыжовника,
 мера дождя в сентябре,
 личинки солнц в одуванчике, пчёлы...
 (как сладко
 всё это чувствовать ежеминутно!) —

вскроются все печати,
 отбросится вытканый полог из блёсток разума,
 развернутся мозаичные полы сотворённого,
 лопнут витражи чувств...

И мы не сможем укрыться,
 как некогда в колыбелях,
 чужими ладонями...

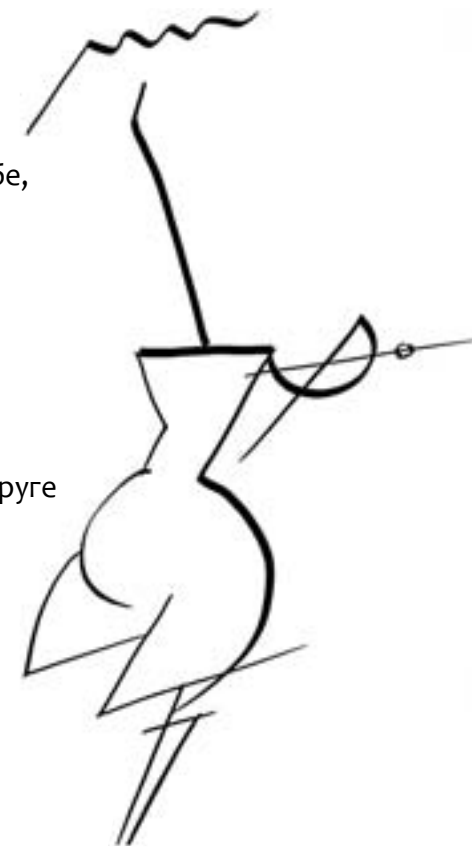

Вдруг вспомнить тебя —
 мягкую осень ресниц
 и аромат полуночья,
 соткавший чуткое тело...

Воздух искрится,
 пронзённый звенящей нитью-к-тебе,
 я чувствую
 как где-то живёшь...

Сны-вдвоём —
 мелодия, которую стал забывать:

в ней спираль
 с накалом-творенья
 вот-вот замкнётся с прошлым на круге
 и обожжёт,
 перегорая навсегда...

“Ветренный плащ”

Грустные складки плаща. —
 Зачем ты его надела —
 этот серый простуженный вечер?

Уже не первый прохожий
 споткнулся снаружи кофейни
 на скомканных линиях взгляда...

Как грубо ошибся с фасоном
 портной твоего настроенья...

Или ты выбирала сама
 этот сумрачный крой
 и стиль отрешённости?,
 прячась от рвущихся швов
 ещё-недавнего-счастья... —

Я вижу их! втёртый снаружи
 прямо перед тобой
 в блёклость стекла —
 пронзённый
 иглами странного ветра,
 шьющего прямо на мне,
 протыкая насквозь,
 плащ одиночества...

Мечтатели
в утлой лодке у берега...

Эта вода
прибывает ровно настолько,
чтобы успели вычерпать, не разуверившись,
что лодка тронется с места,
и мы наляжем на вёсла...

Вода!
она прибывает ровно настолько,
чтобы вычерпывать
Вечность...

Ослик сердца
везёт на прогибе спины
вес-длину моего беспокойного тела —
трудолюбивый и безотказный... Над ним
машет ветками
в пышных цветах поцелуев
и щебечет радостно-грустно душа...

Позади, за певуньей, иду
я — погонщик,
накидкой едкое время взметая...

пыльной тканью дорог
безупречно
обёрнуты ноги...

“Театр красоты”

Сандро Боттичелли

Эстетика Любви выбежала из обструкции счастья,
Рыже-растрёпанная, в слезах!
Её подхватил скошенный желоб проулка
и снёс в энтропию архитектуры упадка речи.

А ты привык, что она всегда под рукой.
Зачем?! тебе вздумалось зинзиверить Другую! —
в этом вся порочность твоей клеточной эклектики:
романтизм измен,
эгоистичная слепота символизма
сплюсненность супрематизма на грани просевшего модерна
с побочным поп-артом.
Вечно роешь себе и другим
авангардные траншеи ренессансной лопатой!
Глупец!
К чему эта жадность лепить новизну.
Любовь любит очаг вдали от сражений...

И вот, осталась тревожная
постмодернистская хлябь от Неё —
безОбразная и безобрАзная ,
с псевдо абстрактным оскалом радости освобожденья
от дикости фовизма, напыщенности классицизма
и духоты обширной академичности —
осталась лишь тень, которую она сбросила у двери,
как мокрое кричащее пальто —
аляпистое пятно проциллы
на твоей голодной странице этюдника существованья...

И теперь уже не Она, а её беспощадная бесформенная тень
пролегла вдоль анемичного лба и шепнула:
- Любовь не вернётся... Бедолага, твори что хочешь!

Э.Хэмингуэй

Фиесты и карнавалы,
звонко манящие нас,
гаснут устало в рассветах,
сбросив на плитку бульваров
ворохи смятых цветов, звуков
и карточных масок...

Но есть незатейливый праздник,
который приходит, как утро,
и остаётся с тобой.

Он жарче танцующих тел
и жёлтых цветков орхидеи —

он утро-двоих,
пробуждающих сердце друг другу.

Это тревожно —
сердце сбилось со счёта
ноги валят меня друг на друга
слюна неугомонна
и руки

Руки! —

где только я не встречаю
их цепкие фаланги
словно они разбросаны
по всей вселенной
и глаза —

два аквариума
в которых живёт только то что я вижу
но вижу я только то что живёт в них
не видя всего остального —
это тревожно! —
особенно что-то вспомнить
или забыть
или открыть рот
не для того
чтобы из него выйти...

“Блик мечты”

На венценосных травах
 среди куфически-растущей повилики,
 среди садов,
 впадающих ручьями веток в небо —
 мечтаю о тебе —

целую ли другую, откладывая книгу в ночь,
 или иду в волне по пояс к лодке —
 я сердцем там,
 где о твоей улыбке
 не счесть моих легенд,

где побережья — плен,
 где солнце — заточенье
 в шатрах лучей,

где можно век смотреть
 на поступь молодой аборигенки —
 как будто чаша жгучего напитка в ней до краёв...

Но, чай заваривая в азиатском зное —
 в слепящих бликах душной красоты —
 стремлюсь туда, где затаилась робко
 за горизонтом губ твоя улыбка,

как блик мечты...

Маме

Какое счастье
обладать минувшим —
где мама штопает рукав
в вечерний час,
увитый виноградом...

в моё лицо чуть-дует ветерок,
дразня фиалкой и мускатной розой —

я, жмурясь, жду...

и мягкий луч заката
как игла
меня прихватывает к рукаву
вечерней ниткой —

и так стежок к стежку —
я там примётан иглами тепла,
прижат к себе
там-тихо-засыпающему...

Снова лето
в сигнальных башнях цветов —
лампы тюльпанов,
разметка ромашек —
чтобы не промахнулось тепло.

Юг — по тропинке,
левее летящих ветвей винограда,
где в тонких клювах ветров
уносятся бережно пчёлы —

там в поющей траве
с призмой зелёных глаз
спит звонкотелый мальчик,
будто смотрит на тайны...

Я вспоминаю
ищу
подбираю
вымучиваю слова,
с которыми надо б уснуть,
чтобы вместо меня
он вновь пробудился.

Именно так и случилось —
пока ты слагал свой букет, цветочница странно состарилась
и, видимо, с ней заодно Та Самая девушка,

и твой запоздавший хрустящий гербарий
вряд ли будет уместен
к её морщинам.

Именно так и случилось —
друг не позвал тебя выпить на своих внезапных поминках,
и ты не дослушал старую мать — её бесконечную сагу...

О как же теперь любое слово её! любое живое её
ты готов ловить и вбирать бесконечно,
чтобы снова вдохнуть среди жалоб простую любовь...

Но именно так и случилось —
всюду спеша, ты не хотел *ни опоздать, ни обидеть*,
но ты сделал именно *это* лучше всего!

Ветра!
 Когда-то они оттолкнулись от древних волн океана —
 и ими носимая пыль
 из под армий Египта, Персии, Инда
 до сих пор среди нас не осела.

Ветра —
 в них слышится между колонн
 греческий окрик Пифея и Гермогена...
 В них обёрнуты древние крылья, опавшие с ангелов,
 и выдохи ртов позабытых богов.

Я чувствую их шершавую кожу — кожу ветров
 безостановочных,
 как их созидавшее Время.

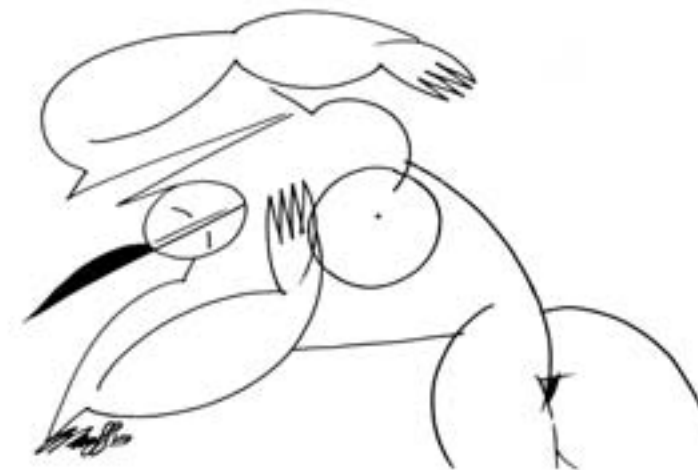
Ветра! несущие здесь в наши рты и глаза
 до сих пор не осевшую пыль от шагов
 Аменхотепа и Чандрагупты...

Как мог я не верить в богов —
 если собран из замыслов их и капризов?!
 из звонко натянутых струн на колки полюсов,
 из труб, колебаний смычков и скользящего бриза...

Как мог я поверить, что жив здесь сам по себе —
 Сколько дерзких деяний я сотворил, просыпаясь счастливым,
 Не ведая злобы, и с сердцем из крепкой рогожи добра —
 это ж всё мне дано, ничего сам не сделал...

Как я мог не увидеть их всюду-присутствия,
 если так очевидно,
 что облако — это глаза,
 деревья — их уши,
 их кровь — нам моря...

“Грустная Нота”

Мы бросили каждый по камешку:

гладь всколыхнулась робкая,
туго натянутая
за колышки трав к берегам...

будто две заблудившихся ноты
всплеснулись
над барабаном пруда.

Мы бросили каждый по камешку:
и я внезапно почувствовал
прохладно-тёплое рядом,
непроницаемо-нежное,
будто навек отстранённое —

почувствовал тихий разлом —
как расслоившийся мир
на незнакомые два...

И кто-то уже подмечает
наши камешки,
летающие с одного берега
в два пруда...

Мы умираем от жажды —
нам не напиться рассветом,
журчаньем ручья и ребёнка,
неспешной беседой,
не утолится нежностью. —

Нам не выпить весь этот мир
своей жизнью.

«Вечерний свет на крылечке
с тихим голосом матери
через вуаль ароматов
фиалки
и изабеллы...» —

где этот сон?

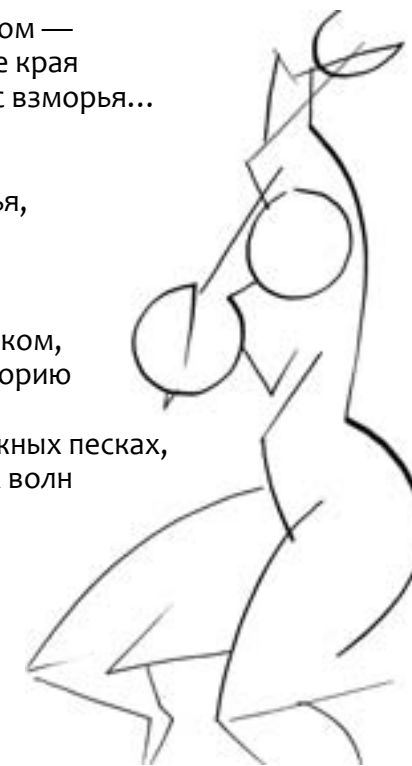
С пересохшими губами
мы просыпаемся —

и нет других причин умереть,
умирая от жажды
жить.

Море лениво
выкатывается на песок,
мы сохнем под синим
в белых разводах небом —
ветер бьёт его свободные края
о тентовый каркас взморья...

Море... —
в тонкой фольге сиянья,
прозрачное до дна,
мыслящее рыбами —
оно раскачивает
далёкую лодку с рыбаком,
как будто бубнит нам историю
о влюблённых,
забывших себя в прибрежных песках,
в накатах сверкающих волн
навсегда...

“Избранница”

Мне ждать тебя дано,
высматривать годами... —
Я жду.

Так пыльные колосья ждут серпа,
от тяжести зерна изнемогая...

Не торопись —
перебери все платья и мечты,
примерь все туфельки... —
в твоей походке не должно остаться
следов сомненья,
душной тесноты
для пяточек и безупречных пальцев....

Доверься мне —
для спешки нет причин.
И я не сдвинусь с этого фонтана,
держа в руке
свой бронзовый кувшин —

в руке
от патины слегка зеленоватой...

Привыкаю
к просроченным обещаньям
к лакунам
в плафонах влюблённости
к оцифрованным дружбам
и маргариткам

к Женщине
с тихой улыбкой позднего лета

Привыкаю к себе —
хлипкой модельке сущего
к чаю Чанг Фао

к привычке не замечать
что есть вещи
к которым невозможно привыкнуть

В губах незримый — он для меня!
Расти! — шепчу —
вылети спелым
из соты шершнем —
созрей же — ужаль —
я подставлю сердце...

Он же как будто
раздумывает (напрасно!):
быть ему
или остаться в створках
губ наливных?...

О-мой, что медлить?! —
здесь я — ладошка
для поцелуев-подсолнухов. Глянь-ка! —
ведь ты для меня...

“Ожидания”

Площадь,
куда прибегают из улиц ручьи —
площадь имени Встреч Ручьёв,

площадь имени
Брошенных-Крошек-для-птиц —

Я заблудился здесь,
у фонаря, рядом с фонтаном,
струящим свой рассказ
о всех заблудившихся здесь —

о всех пленниках
своего ожидания
со взглядами через площадь к кому-то —
как с протянутой рукой
о милостыне свиданья...

Площадь Встречи Ручьёв —
пункт отправленья
из долгих разрозненных снов
в возможно-совместное утро —

начало первой прогулки,
соприкасаясь глазами,
прочь и подальше
от вязкого плена
неловких глухих ожиданий...

Из под ресниц —
сиянье тепла.
Жду тебя, сердцем мощу ступени
к тихой вершине дня —
к стеклянной кофейне,
где ты найдёшь меня,
будто забыла вчера ожерелье —
нежность моих рук-вечеров.

Однажды я вышел
искать твой пылающий силуэт
и где-то заблудился,
и меня не отыскать во век...

Но лучше б не знать этих слов
в своём сердце —
мы все когда-нибудь
теряемся навсегда
в старых одеждах
воспоминаний.

Скажем друг другу:
всё что у нас есть — это верность сердца.
На это нельзя купить вина,
но разве это не хлеб,
который даём
и принимаем:

всё что у нас есть — это мы,
как простые слова.

Пусть мы видимся реже
и перестаём удивляться
отжившим одеждам
на ветхих плечах —
мы становимся старше,
старше легенд и границ побережий,
кожура лет
прячет нашу свежесть от нас,
но у нас есть верность сердцу
и его простые слова...

Мы редко видимся, мама.
Но память настолько верна,
что ты без помех возникаешь на улице,
тихо со мной говоришь. — И я вижу
как слабо киваешь, садишься в вагон,
и я закрываю глаза...

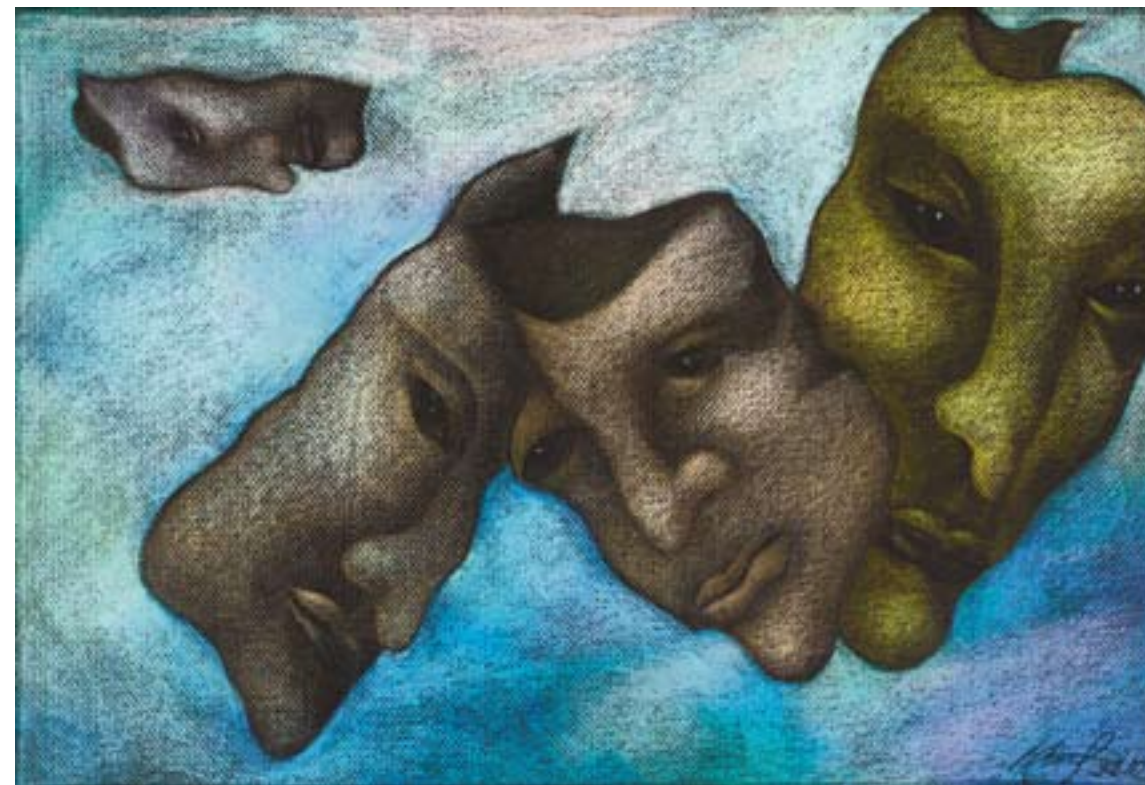
но кто-то перебивает:
мужчина, Вам плохо?

Взгляни,
в моих праздниках стало больше морщин,
в моих лицах — чужого.
И вместо светлых дорог
на сердце одни закоулки.

Где он? —
ты знаешь, где спрятался твой звонкотелый
и радостный мальчик?

А ты улыбаешься —
будто меня вспоминаешь,
и мы говорим... говорим...

И кто-то участливо перебивает:
мужчина, Вам плохо?...

“Маски Времени”

Все лабиринты троп
ведут к воде,

лоза свисает
мягкой паутиной
огромных пауков покоя:
в ней путается свет,
рассеянный на золото лесное,
дрожащее
под тонкой кожей ручья.

С корзинами ветвей
стоят стволы в дремоте,
украшенные нитками лучей...
Под тропами
ступают тихо корни,

а каждый луч, пролезший до земли,
в ней пробуждает робкое цветенье.

Стучат по веткам крылья...
Бьют ключи...

И всё, что остаётся от меня
под треск валежника —
большое тело слуха.

Иногда просыпаешься с грустью,
не в силах её превозмочь —
ибо разбухшая горечь и залежалые поцелуи
источают запах вероники,
ибо сны,
пролетая на крыльях отчуждения,
оставляют в груди венозную гитару —
и кто-то не в лад у самого сердца
трогает струны...

А ты, закутавшись в жажду,
лежишь в подвале ночи
формой,
избранной любовью,
светом,
спрессованным в тёплый мрамор.

И я шепчу тебе, пока ты читаешь меня:
по-тер-пи!,
день назначен, что от грусти тебя отмоёт.
Ведь ты должна понять — этот мир,
тебя не оставит
одну
без любви
в покое...

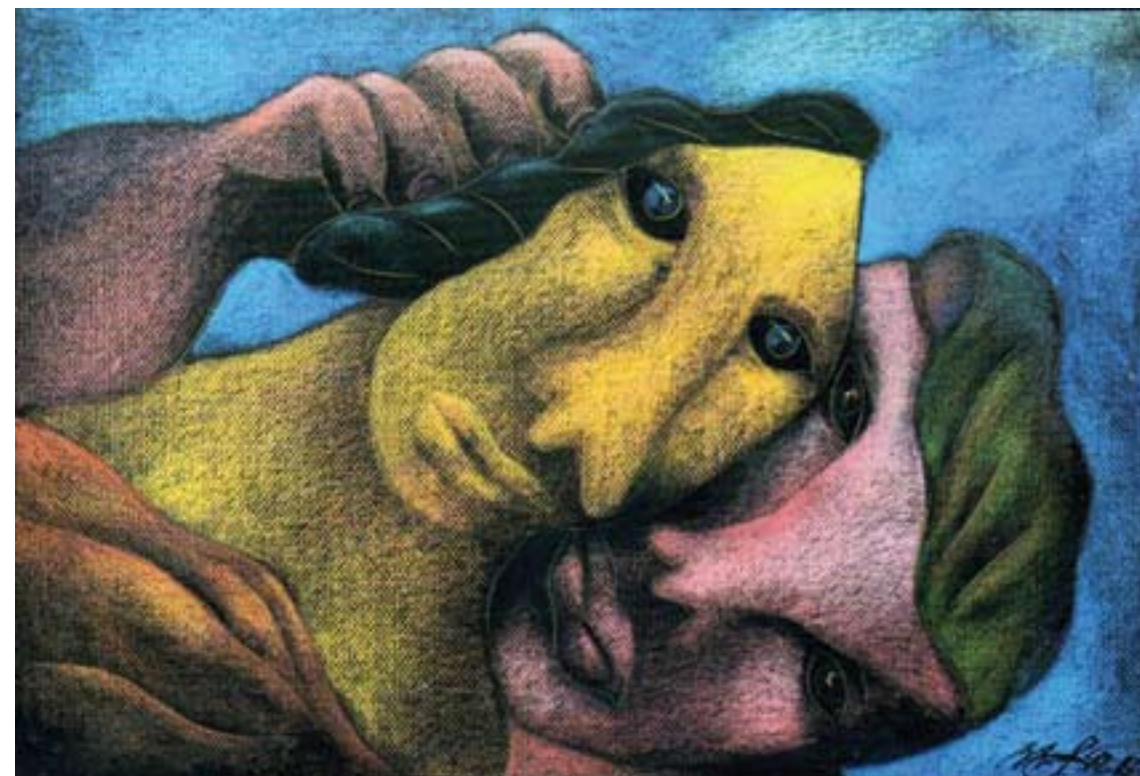

Плоды крыжовника —
 глаза бессонной ночи:
 дорожка разговора завела
 в твою судьбу —
 в два карие окна,
 мерцающие долгими тенями
 не выворяемых и обветшалых грёз.
 Они твои и зеркала, и сёстры,
 и мне понятен их строптивый нрав
 и тщательность с какой они готовят
 густой сироп
 для нашего варенья.

Мне слышится как в них ещё звучат
 мольбы о счастье, слёзы о прощенье,
 и я кладу в крыжовник долгий взгляд,

и мы смеёмся грустно полумраку...

Как всё старо!
 и этот хлам любви
 пора б снести
 к старьёвщику-маклаку...

Старик, ходивший в поклоне земле,
окапывал сад
лопатою ладоней. Он умер.

Стиснутый камнем жилищ, сад загрубел,
в неухоженном корне его иссяк аромат.
Удивительный дед,
никогда не срывавший плодов.
Никто не заметил его уходящую поступь.

Только дети — долго и чутко взрослея
бархатистыми глазками
щупали между листвы пустоту.

Необъяснимо — зачем?!
давят нам холодом в спину,
когда обещана жизнь:

за что же
нас оставляют без нас?

мы — дети
с недобрыми знаками —
дети,
созревшие в чреве
великих идей:

повсюду нам стелется путь —
и мы увязаем в распутице,

всюду дают нам еду —
и мы забываем о вкусе...

Точно закланье божкам —
стелят
зовут
подают

и оставляют без всего...

“Стран-

На лунных шоссе в никуда,
на тропах любви каменистых
я шёл без приюта, без родины сердцу...

Был сон не глубокий,
и ношей моей были книги семи мудрецов.
Каждым из них я был очерёдно.
Но глупость свою я собрал бы в моря,
в небо весны
и во все голоса,
когда-либо звучавшие здесь...

Так, обретая в дороге каждую пядь мироздания
под шелест стрекоз раскалённый,
глупостью всюду объят, и несу
крупинки мудрости,
как узелки, связавшие нити бессвязного
в прочный
сюжет бытия.

С нами всегда
этот сладостный вкус
населённости мира!

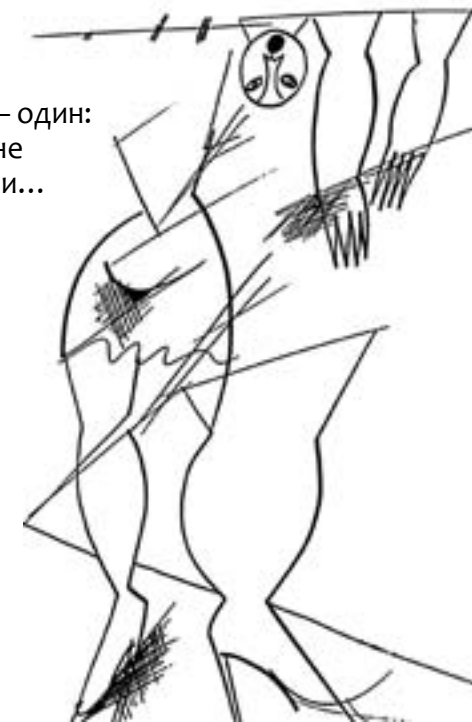
Так ли глупы наши игры в варенье,
в стряпню из чулок и укоров?
Так ли пуста перспектива разбитыми-за-день
упасть в чёрную ванну ночи,
где уже наготове mortarы утр
выстреливать
всех наобум,
разбивая
снова и снова
о крепостные стены Времени...

За окнами снег.
неизбывность предчувствий.
И день познается как день с налипанием тьмы.

Веками
хозяйки сушат бельё на ветру.
Взрывая вселенную плотью,
мужчины
черствеют в трактирах.

И путь их — во мгле увязая — один:
это таянье жизни на склоне
невнятного времени...

Вечерний стол, картофель неизменный.
 Мать вытирает руки о передник,
 но вены продолжают источать
 душистый пар заботы неотлучной.
 Оглядывает всех и красный угол —
 там тихий бог живёт в ажурной меди.
 Её любовью оживлённый ужин
 всех собирает вместе

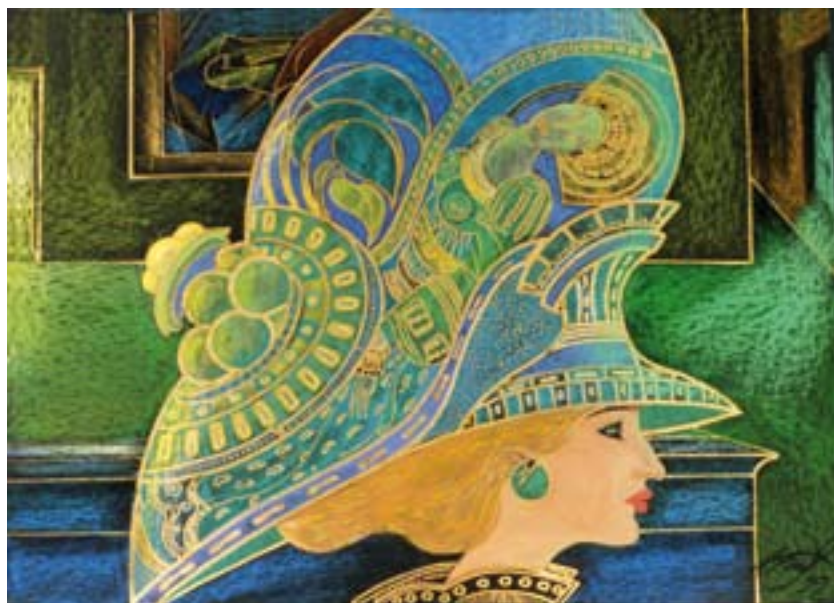
над пахучим
 и согревающим все закоулки жизни
 воспоминаний клубнем... Как и прежде
 из складок памяти притихшие
 смиренно
 к столу садимся — можно всех окликнуть
 по именам, как в давнем детстве... нежно
 к лицу из сумрака нахлынут руки мамы,
 вечерний стол, картофель неизбежный...

Лучше б Время забыло о нас,
как художник о скучном портрете:

но увы — вечно собой недовольный,
он нас без конца подправляет,
пока вконец не испортит.

“Портрет красивой дамы”

Выколачиваешь из сердца, как из ботинка,
колющий осколок чувства,
потому что устал
прихрамывать в прошлое.

“Тифелька Психеи”

Разлуки колкий неотступный холод —
 пронзённый инеем,
 ты оглушён внутри.

Листая книгу,
 её не чувствуешь...

Обмылок грусти
 и пустота вещей
 тебе оставлены.

Но подавая во-спасенье-чай
 и вдруг-окинув всё,
 чем сам владею,
 я чувствую,
 что одинок как ты...

Прекрасные твердыни
 нег и грёз,
 избранницы цветов,
 солдаты целомудрия,

о-девы-нежные!
 как царственны высоты
 их добродетелей,
 непобедим их лагерь
 стыда и сдержанности...

О-неподкупные
 хранители сокровищ,
 несокрушим их строй,

пока не принесут им в жертву
 случайный взгляд.

Я одел тебя в лёгкие ткани
бессонных ночных поцелуев —

они облегают не хуже
чем время
взгляд
или дождь

Хрупкий цветок
с тонким запахом
оттаявших иллюзий

он встревожен
что не хватает тепла
и всюду сквозит из прошлого —

Так рождаются ветры
прозрачные и глубокие
на брошенных островах

Чуткий цветок
на перекрёстке простого вопроса:
кто же любит меня? —

он затерялся
в тёплых руках
незначущих встреч
как любовь

Человек разделся в прихожей
и, бросив взгляд на скучное зеркало,
глазам не поверил...
Он впервые протёр его,
но, заглянув, удивился ему с неприязнью,
потёр посильней, и то, что увидел в нём, изумило.
Он начал тереть его с силой,
и там его что-то схватило... и стало душить.

Он застучал по нему, собираясь разбить
или прочь оттолкнуть в нём кого-то ...
И замер в безумстве, глаз не сводя с пустоты —

тусклое Время разъело стеклянную плёнку
и вышло из зеркала, всё, не спеша, поглотив:

Облетели обои, рассыпались в щепы двери и стены,
стёрся детский галоп к накрытому мамой столу
и дерзкие споры подростка, и злость молодого мужчины,
и недовольство друзьями, судьбой и детьми... —

Тусклое время,
в котором он стёр растворил обесцветил
налипшим бесчувствием
невозвратно
не только себя одного...

Рыба вспорхнула над гладью
и снова погасла в воде...
А берег зашлёпал губами,
когда пробежала моторка
словно комар-водомер.

Рыба вспыхнула!
Рядом поймали другую —
жертве не вспыхнуть, скорее
воспламенится рыбак
от счастья
мшистой корягой...

Я даже уверен — девушка,
возникшая в утреннем солнце,
видела как полыхает
рыжий
красномордый
рыбак...

Портовая гавань!
гремящая
якорной цепью лучей. —

Здесь швартуется солнце.

Чайки матовых криков
из бронзовых тел
такелажников
резко взлетают над гладью,

а белоснежный матрос зависает
дверью
в-синие-дали.

Подальше от шума
под опрокинутой лодкой
бёдра любовников вторят
ритмически морю...

И только в забытых напевах
морячки стоят у причалов,
кутаясь в хлёсткие шали
из парусины ветров...

День на мягком изломе,
солнце с гор скатилось на море.
Мальчик, сев на прибрежную гальку,
мастерит из хлеба приманку.
Рядом с ним, разложив свои снасти,
удит рыбу старик,
отрешённый
на выпуклом камне.

А в море вздымается неодолимый
катамаран —
две жёстко сцепленные между собой лодки
под общим парусом белоснежным.

Мальчик тих и сосредоточен,
он чуть больше вздремнувшего лабрадора,
старик же готов удить весь вечер
воспоминанья из моря...

Старик и мальчик —
две судьбы, жёстко сцепленные друг с другом
под общим парусом
безымянной человеческой саги —

катамаран
плывущий по времени, как через море,
в его накатах непотопляемый.

Живёшь незаметно,
как ткёшь полотно.
И в какой-то момент, вдруг, замечаешь,
что в самотканом холсте твоей жизни
давно закончились яркие нитки...

Ведь это не лица у нас —
а рассказы души
о мытарствах своих на земле.

Время точит нас изнутри,
протирает насквозь,
стремясь прорваться из ткани телесности,
чтобы, освободившись от нас,
оно больше никогда не размышляло
о вечном...

Нет времени нам на унынье,
когда возносится солнце,
пронзая Мир красотой. —
Все формы сотканы из неё!
...разве что черви —
обрывки ниток с её полотен...

Словно в поле
уйдём в бесконечную ширь простыней
захлебнуться друг другом внахлёст,
кувыркаться клубками телесными ниток —
всё сильнее,
невозвратней
запутываясь друг в друге...

Стоит ли оставлять себе камни обид —
ведь мы не корзины для булыжников,
а колыбели улыбок...

Кто помнит скворца,
пропевшего прошлой весной в саду?...
Лишь человек
несёт в своём сердце
как в торбе для счастья,
память о лучшем.

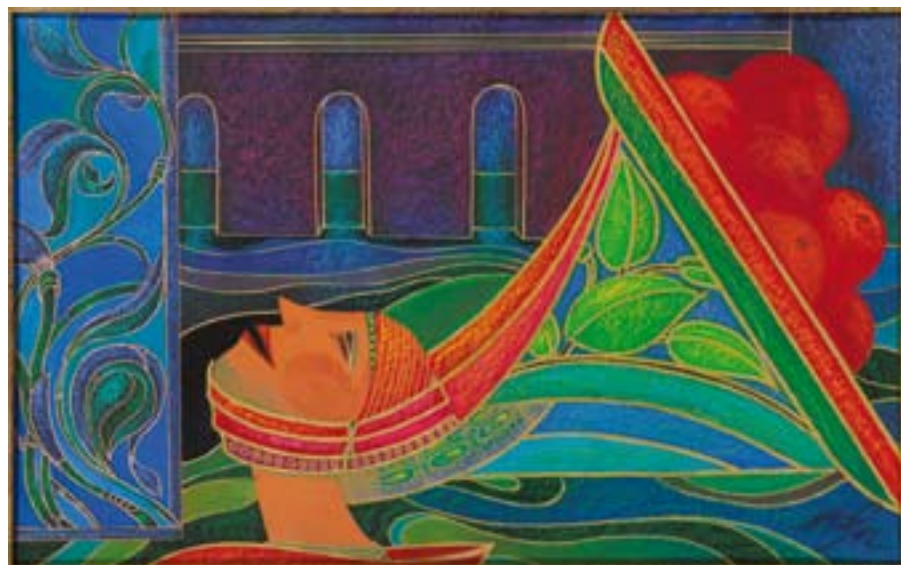
Мы все стяжатели —
кому достижения, кому безделушки, кому корабли,
а кому — ещё одно
крепкое рукопожатие,
ещё один холст дня
в распахнутом окне.

Увы, для тебя моё Сердце —
 примерочная кабинка
 в супермаркете прихотей и безделушек.

Но как ты в Нём хороша!,
 примеряя мою невесомую нежность.

“Радость”

Прислушаться к шёпотам трав,
 бросить на ветер крошки весёлых слов,
 зачерпнуть из ручья звонкую
 перекастистую монетку радости
 и помолчать вдогонку закату на краю дня —

уже немало
 для счастья...

“Наполненность”

Город расчерчен ручьями.
 Мальчишка бежит за корабликом,
 схваченный прочно
 виденьями светлых морей. —

Год от года блуждая
 по ломким лекалам судьбы,
 уносимый, как селю, потоками смыслов,
 взрослея ботинками,
 и вразумляясь до сплина
 подделками чувств,

он однажды выбредет к берегу
 в отпуск устало,
 пронзаясь до боли
 сияньем (безмерным!)
 забытого моря...

Ещё вчера
 он стоил дешевле блудницы,
 а сегодня —
 несгораемый шкаф довольства
 тем, что служит,
 торгуя другими,
 и может думать о большем.

Ловчий-слуга,
 он мастерит перспективу,
 в которой проснётся страна,
 подобно дешёвой блуднице,
 поваленной навзничь —
 чужой потускневшей игрушкой,
 сдавленной в горле...

А он продолжит крепчать,
 и уже не покажется порчей,
 когда
 наши женщины
 сочтут его за Образец,
 засыпая подле нас...

Сесару Вальехе

Всхлипнула флейта вокзала,
вспугнув контрапункт голубей
в пыльные томные розы,

где с мёртвым Парижем в зрачках
бездомно забылся Вальеха
на узкой скамейке,
так далеко отстоящей
от вымокших улочек Лимы
и так грустно уже-навсегда.

“Созерцание”

Едва лишь забрезжит рассвет —
как птица вспорхнёт, в нём осветлённая,
и в лёгких верхушках
каплей чистой откликнется.

Дуновенье промчится с цветка на цветок,
качнув ароматные чаши.

И я обниму тебя в свежести утра,
встречая озябшую
у самой границы
вотчины снов...

“Томление”

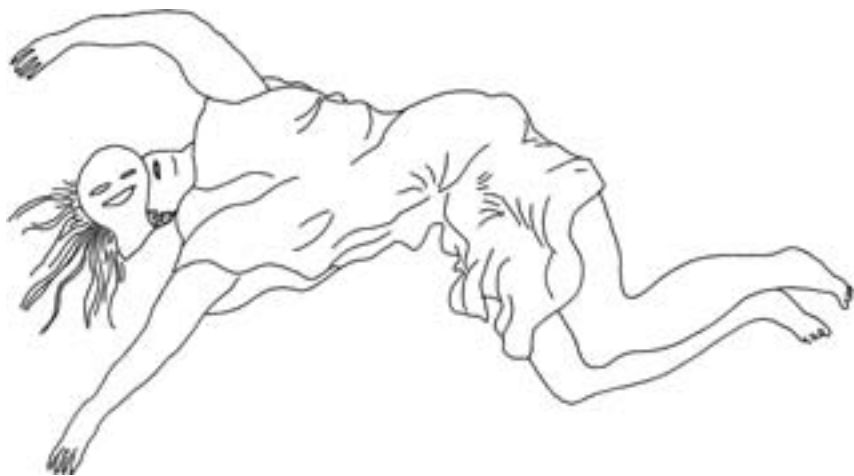

Иногда хочется встретить
утраченную когда-то книгу

Или на берегу
как морскую раковину
найти девушку
и приложить её тело
к уху —
и слушать в ней тёплое море...

Я ищу это море как книгу
о которой не помнит никто —

ищу чувство-пристанище
как утраченную когда-то девушку
сокрывшую в себе
море
с моими берегами

Пусть дни летят,
ломая ветви чувствам,
душа летит, сшибая потолки,
Пусть улетают губы,
расплёскивая пригоршнями в вечность
кипящую смолу твоей любви. —

Пусть всё летит в слепящей позолоте
скользящих солнц по сердцу, в кружевах
несметных слов...

Пусть всё чем был — летит!
Кто остановит
над-морем-воздух?! мчащий к берегам
бесчисленные брызги
солёных волн...

“Предчувствие”

Сегодня воздух —
 победоносная
 охра октябрьской короны,
 отважная тишь лесопарка,
 скользящая к внутренней ноте.
 Поглубже вобрать этот привкус —
 и ноты сорвутся, как листья,
 и всюду рассыплется грусть... —

В каждом прохожем проснулся
 этот листок. Настроенье —
 в ссадинах,
 словно продели
 его сквозь отточенный иней.

Поэтому воздух сегодня —
 осенний закон тяготения,
 вороньи прологи пейзажей,
 ветер в венах, желудок
 полный дождя, унисон
 распада и сна, онемевший
 рот жарословного солнца.

Вдыхая октябрь до корней,
 душа безмятежно вступает
 с охапкой взъерошенных чувств
 под руку внезапного времени...

Наступят дни-заточенья.
 Уйдёт динамитный восторг
 от ярких оберток соблазнов,
 оплошно оплаченных жизнью —
 переползание брюшком
 из пены *бизеобразья*
 в укус старости, с хрипом,
 едва подбирая ноги.

Пока наши дни обширны,
 и мы летим по ступеням
 с набухшим-в-губах поцелуем...

Пока что они не плющат
 наши чувства и чресла,
 не давят удушьем
 на сердце...

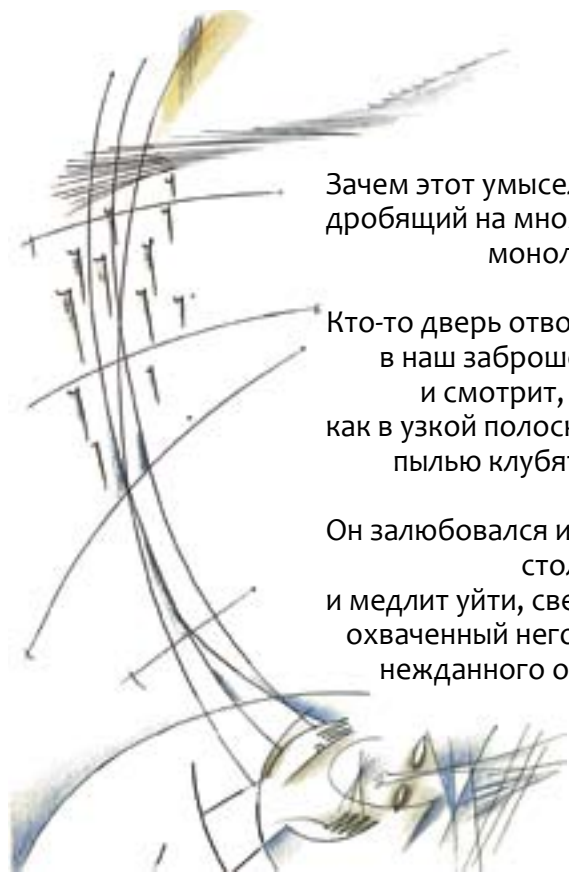
но скоро наступят...

Соприкоснёмся —
 словно занозы в ладонях —
 и, вздрогнув,
 очнёмся на чёрством выдохе дня,
 и съжёмся в комья,
 и потеряемся в жгучем
 зимовье стыда —

да, это так:
 что-то вторгается
 в каждый наш поцелуй
 и нелепо стоит между нами,

а в воздухе, словно в петле,
 провисают две ноты,
 когда наши рты, встречаясь,
 вытягиваются
 в одинокие
 флейты...

Зачем этот умысел — Свет?,
дрозящий на множество форм
монолит Пустоты. —

Кто-то дверь открыл
в наш заброшенный угол
и смотрит,
как в узкой полоске сиянья
пылью клубятся наши миры —

Он залюбовался игрой
столбика пыли
и медлит уйти, свет затворяя от нас,
охваченный негой
нежданного оцепенения...

(зарисовка)

На улице взвизгивал медью
детдомовский бодрый оркестрик.

В нём мерно и гулко стучал большой барабан —
словно в воздухе билось облако-сердце —

тонкий мальчик безропотно нёс его вдаль —

он взмок и устал
через город полмира нести
на плече...

Как было хорошо
 быть юнцами
 и бить в пробитый мяч иллюзий

Нас не ссорила женщина
 время не тяготило
 мы были вне иерархий
 никто не прятался в наших сердцах —

мы были творениями неба
 презиравшими всё то
 чем стали теперь

В этом празднике
 под звуками-занавесками Цинь
 услышать движение кисти
 по тонкой бумаге —

мне повезёт:
 и журавлём я достигну её берегов —
 тушью впитаюсь
 рядом с летящим тритоном Ин-луном

и молчаливый пэн
 зажжёт меня изнутри

и оттолкнувшись от его ладоней
 я медленно пойду по реке...

Человек, с которым делишь свой мир
и подушку,
полон ли счастьем?

Пока длилась любовь, у него постарели руки,
но в них ты находишь себя,

имя его — слово, чтобы согреться,
оттаять от боли.

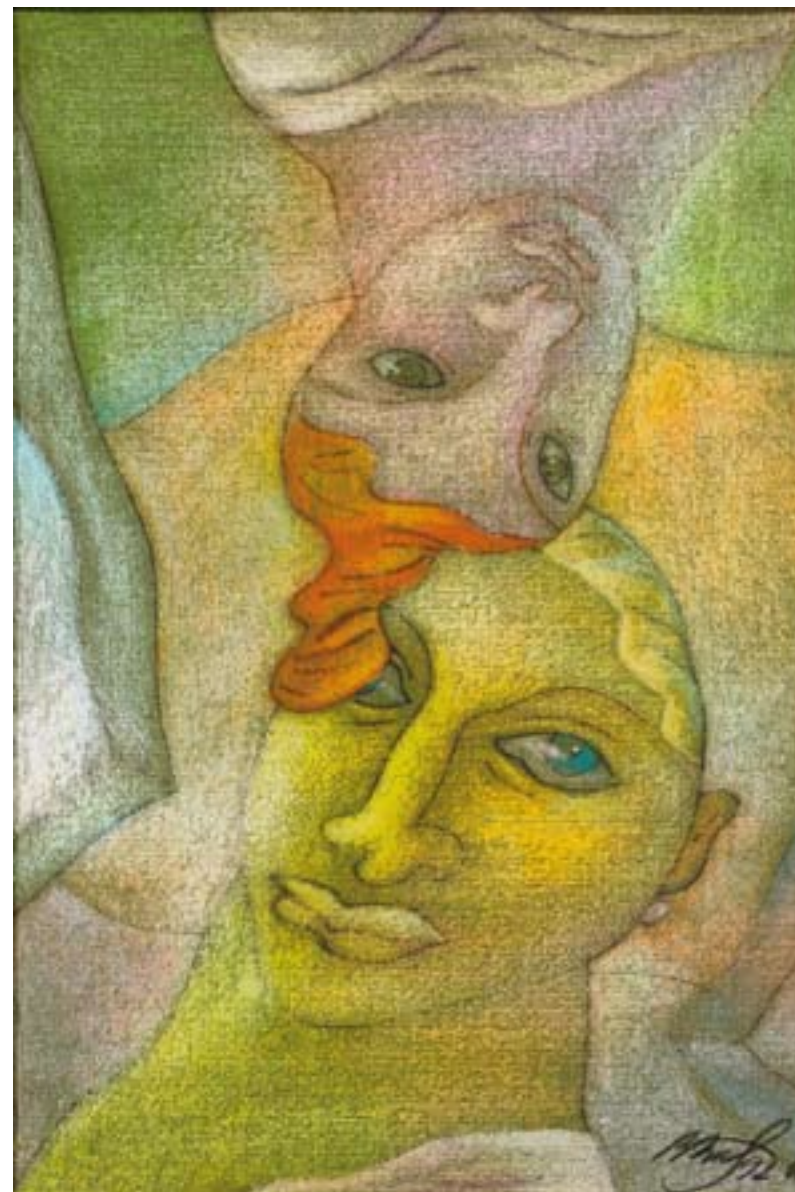
Он — утро, ставшее жизнью,
мост, который ты строишь впрок для себя.

Будет день, когда ты сойдёшь
на зависшие в вечности доски —
на мост, отстроенный сердцем.

Он собран из каждого дня,
в котором ты бережно нёс тепло и заботу к тому,
кто с тобой до конца.

Если вслушаться, можно услышать
прямо здесь,
как растут-погружаются в вечность
корни опор под мостами...

Там, в грядущем, за пологом времени,
мы по ним перейдём пустоту
к тем, кто жил здесь с нами, любя,
отстраивая день за днём
свой мост
через океан.

“Распахнутый день”

